

- [Мистическое доказательство бытия Божия](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
-

Мистическое доказательство бытия Божия

«Едва ли кто-нибудь станет спорить, что истина Божественного бытия есть центральной частью из всех возможных и действительных истин человеческого знания и по своему теоретическому, и по жизненно-практическому значению. Она одинаково близка и для простого верующего сердца, и для богатого научными знаниями разума. Ей посвящают свои «труды» философы, ею вдохновляются поэты. Она, наконец, представляет последнюю опору для всякого человека в минуты тяжких жизненных испытаний...

Но именно в силу такого великого значения она издавна вызывала и диаметрально противоположное отношение к себе. Тогда как для одних она яснее солнечного дня, для других она — простой призрак неразвитого воображения.

В науке издавна делались попытки логически обосновать несомненность этой истины путем так называемого «доказательства бытия Божия». Каждое из них и все вместе эти доказательства и почтенны, и целесообразны. Но если они далеко не всех убеждают, то значит действительно не обладают необходимой полнотою доказательности. Однако православная богословская мысль может привести более убедительные доказательства.

Если все существующие доказательства Божественного бытия мы представим в виде живого целостного процесса искания человеческою душою Бога, то при современной научной постановке дела этому процессу не достает реального завершения.

Есть живое искание Бога, но не видно, найден ли несомненно искомый душой Бог? Между тем в действительности этот момент, при необходимых условиях, бывает. И как, по существу своему, мистический, он по справедливости может быть назван мистическим доказательством бытия Божественного. В кратких чертах сущность его может быть выражена следующим образом:

Бог есть чистейшее духовное бытие, с тонкостью которого не может идти в сравнение никакое тварное бытие. Но при всей тонкости Он в то же время есть и бытие реальнейшее. Реальность всякого бытия может быть дознана только путем опыта. Не иным путем мы можем удостовериться в реальности бытия Божественного. Таинственнейшее и реальнейшее общение духа человеческого с Божеством, или мистический опыт — вот последний заверитель достоверности Божественного бытия. Такова сущность мистического доказательства. В частности же в живом процессе мистического Богопознания могут быть намечены следующие три главные момента.

На первых порах способом мистического познания является — по преимуществу — вера, в середине — духовный опыт, а в конце — созерцание.

«Я не верил в Бога, — говорит Толстой¹, — и от этого мучился. И как же нашел Его? Когда я почти всякую минуту спрашивал себя: не кончить ли мне петлей или пулей, — во все это время, рядом с этим ходом мыслей сердце мое томилось мучительным чувством. Чувство это я не могу назвать иначе, как исканием Бога. Я говорю, что искание Бога было не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мыслей, оно было прямо противоположно им, — нон оно вытекало из сердца... Несмотря на то, что я вполне был убежден в невозможности доказательства бытия Божия, я все-таки искал Бога, надеялся на то, что я найду Его, и обращался по старой привычке с мольбой к Тому, Чего я искал и не находил... Иногда на душу налегало сомнение в бытии этого Бога, и тогда я приходил в ужас и в мучение... «Он есть», — говорил я себе. И стоило мне на мгновение признать это, как тотчас же жизнь поднималась во мне, и я чувствовал и возможность, и радость бытия... Не два, не три раза, а десятки, сотни раз приходил я в эти положения то радости и оживления, то опять отчаяния и

сознания невозможности жизни. Три года искал я Бога. И вот раз, наконец... оглянулся на самого себя, на то, что происходит во мне, и я вспомнил эти сотни раз происходившие во мне умирания и оживления. Я вспомнил, что я жил только тогда, когда верил в Бога. Стоит мне знать о Боге, и я живу; стоит забыть, не верить в Него, и я умираю. Так чего же я ищу еще? — спросил я себя. Без Него жить нельзя. Следовательно, Он существует. И я спасся от самоубийства».

«При неверии сердце мое сжимается, претерпевает какое-то жжение, томится, ум помрачается, я нахожусь весь в безотрадном положении, — говорит живое воплощение веры в наш век неверия знаменитый пастырь Кронштадтский. — Но при живой вере, что Бог везде, на всяком месте, и значит всегда со мною и во мне, мое сердце широко, свободно, легко, живо, ум светел, я в отрадном положении. Таким образом то самое, что меня убивает, служит разительным доказательством Того, в бытии Чего я сомневаюсь. Мысленное отрицание моею свободною душою Саможивота есть, естественно и праведно, смерть для нея» («Моя жизнь во Христе»).

Итак, вера в бытие Божественное вливает радость бытия в человеческий дух, а без нее он умирает духовно. Таково заверение мистического опыта в первой стадии развития.

Дальнейшее восполнение и подкрепление это свидетельство веры находит себе в свидетельстве внутреннего духовного опыта. Рассматриваемая формально, жизнь духовная сводится к непрестанному взаимодвижению — Бог к духу человеческому и духа человеческого к Богу. Этим взаимодвижением поддерживается жизнь духовная так же, как дыханием телесным поддерживается жизнь телесная. Как нет жизни в телесном организме без дыхания, так нет жизни в духе без указанного Богообщения. Но как же обнаруживается сознанию человека являющееся в результате такого взаимодействия реальное взаимоприкосновение Духа Божественного с духом человеческим? По единому свидетельству представителей христианской мистики, Бог является душе человека в виде невещественного огня, поддерживающего в душе благодатственного человека непрерывное горение духа.

«Святые богословы, — говорит св. Дионисий, — описывают часто высочайшее и неизобразимое Существо под видом огня, так как огонь носит в себе многие и, если можно сказать, видимые образы Божественного свойства. Чувственный огонь находится, так сказать, во всем, чрез все свободно проходит, ничем не удерживается. Он ясен и вместе сокровенен, неизвестен сам по себе, если не будет вещества, над которым бы он оказал свое действие, неуловим и невидим сам собой. Все побеждает, и к чему бы ни прикоснулся, над всем оказывает свое действие. Все изменяет и сообщается всему, что к нему каким бы то ни было образом приближается. Животворною своею теплотою все возобновляет, все освещает ясными лучами. Неудержим, неудобосмесим, стремится вверх, пронизающ и не любит быть внизу. Деятелен, силен, всему присущ невидимо; оставленный в небрежении, кажется несуществующим; чрез трение же, как бы чрез некоторое искание, в сродном с ним веществе внезапно появляется и тотчас опять исчезает, — всему обильно сообщая себя, не уменьшается» («О небесной иерархии»).

«Не прельщайтесь: Бог есть огонь, и когда пришел на землю и сделался Человеком, вверг огонь на землю, как Сам говорит ([Лк.12:49](#)). Огонь сей всюду обходит, ища себе вещества, т.е. доброго сердца и произволения, чтобы пасть внутрь его и возжечься. В ком возжигается он, в том выходит в пламя великое, достигающее до небес, и не дает уже ему быть в бездействии или предаваться покою. Он не опаляет души, в которой возгорается, хотя возгорание сие бывает не без восчувствования его душою, как думают некоторые из мертвых (душою). Душа не есть бесчувственное вещество, но есть существо чувствующее и разумное. Посему она в самом начале чувствует и сознает возгорание огня того» (Преподобный Симеон Новый Богослов).

«Свет есть Бог, и созерцание Его есть как свет. Чрез узрение света бывает ведение, которым познается, что несомненно есть Бог» (он же).

Так из духовного опыта человек дознает, что подлинно, выше всяких сомнений, существует Бог.

Но человек есть не только чувствующее существо, но и разумное. И в силу этого не только ощущает Бога как живую реальность, но некоторым образом и созерцает Его.

Пока человек пребывает в страстях, он или ничего не видит, или видит иное вместо действительно существующего.

«Облако страстей, нашедшее на рассматрительную часть души, как бы некая мрачная толща, заставляет видеть иное вместо того, что есть в действительности» (Каллист).

«Когда же ум обновлен... возсиявает в нем созерцание тайн Святыя Троицы» (Св. Исаак Сирий).

«Все существующее познается из проявлений. И тайности Божией соприсуци некоторые проявления ея. Следуя за ними, ум получает ощущение Божественной сокровенности, восходя от постижимого в Боге к непостижимому. Достигнув последняго, он понимает, что достоверно существует нечто ускользящее от его естественного постижения, нечто превосходящее всякую, какую бы ни было умственную и даже ангельскую способность постижения» (Каллист).

Восходя постепенно на гору созерцания, он, наконец, вступает в какой-то таинственный, хотя и световидный, мрак, в котором и видит и в то же время не видит Бога.

«Ставь в том, что вне всего, где не выступает в различных образах никакое слово, ни мысль, ни помышление, но господствует простота, непостижимость, безмолвие и изумление, безобразное, бесконечное, неограниченное, — он видит странным образом видение невидимаго и безвидный вид. Причем и сам становится безвидным и отпечатлевает на себе соответственное невидимо созерцаемую им и безочесно зримому, короче сказать, отпечатлевает Божественную и преестественную красоту» (Каллист).

Но не будем, однако, более распространять свое слово об этой священной тайне безмолвия. Не слово, но именно само безмолвие лучше всего может научить нас этой тайне священного безмолвия.

Заметим только, что ум человека на этой стадии развития, хотя чувствует свое бессилие определить Неопределимого, однако настолько реально ощущает реальность бытия божественного, что по свидетельству, например, Антония Великого, более сильно ощущает бытие Божественное, чем свое.

Таково, в главных своих чертах, свидетельство мистического опыта о бытии Божественном.

Если все сказанное привести к краткому итогу, то в мистическом опыте Бог сказывается душе человека как высочайшая мистическая реальность, проявляющаяся в непрестанном воздействии на дух человека.

Примечания

Это относится к тому периоду исканий Толстого, когда его религиозные воззрения еще не запечатлелись тем антихристианским смыслом и духом, которым проникнуты следующие его произведения и который дал право характеризовать учение Толстого как учение антихристово.